

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАЕВ

УДК 281.961

к. ист. н., магистр теологии, доцент,
 Санкт-Петербургская Духовная Академия
 (набережная Обводного канала, 17, Санкт-Петербург, Россия, 191167)
isayevsvir@yandex.ru

***УЧЕНИЕ СВТ. НИКОЛАЯ СЕРБСКОГО (1880–1956)
 О ЗАКОНЕ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
 И КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ***

Автор предлагает собственную систематизацию законов, чтобы в свете этой систематизации изложить и оценить учение святителя Николая Сербского о Законе. По традиции он различает закон как принцип повторяемости внешнего опыта и как норму человеческого поведения, сформулированную людьми для людей. Во «внешнем» законе он предлагает различать законы, «организующие» материальный мир — напр., законы Ньютона и Менделеева — как сотворённые Богом, а не зависящие от материального мира — напр., таблица умножения или логические силлогизмы — как проявления Самого Бога, доступные разумным людям даже без откровения. В «человеческом» законе автор предлагает рассматривать естественный закон, каким его описывал апостол Павел (т. е. содержание 10 заповедей, доступное даже язычникам), как основание для всякой юриспруденции, тогда как все прочие её компоненты составляют позитивный закон. У святителя Николая автор констатирует тенденцию к отрицанию существования какого бы то ни было «внешнего» закона, но в то же время к перевознесению того «человеческого» закона, который святитель называет «моральным», а фактически является естественным законом. Святитель Николай считает его происходящим от Бога и единственным действительно существующим Законом.

Ключевые слова: 10 заповедей Моисеевых, естественный закон, закон, Заповеди Нагорной проповеди, Николай Сербский (1880–1956), позитивный закон, справедливость, чудо

SERGEY ALEKSANDROVICH ISAEV

PhD of History, Master of Theology, assistant professor,
Saint-Petersburg Theological Academy
(naberezhnaya Obvodnogo kanala, 17, St. Petersburg, 191167)
isayevsviir@yandex.ru

DOCTRINE OF LAW
BY ST. NICHOLAS OF SERBIA (1880–1956):
AN ATTEMPT OF SYSTEMATIZATION AND ESTIMATION

The author proposes his own systematization of law, in order to estimate the doctrine of law proposed by Serbian Orthodox scholar. He distinguishes between the law, as the rule of repeating some outward experience, and the law as the norm of human's behavior, elaborated and coined in words. Dealing with «outward» law, he supposes that laws organizing material world, like by Newton and Mendeleev, were created by God, but laws not committed by anything material, like of multiplication or logic, can be considered as God Himself, available to rational humans even without revelation. Dealing with «human» laws, he considers the doctrine of natural law, in its Paulinistic understanding (Decalogue, available even for pagans), as basic for proper jurisprudence, whereas the other components can be labeled as the positive law. In St. Nicholas' doctrine of law the author notices the tendency to reject the existence of any outward law, but at the same time to glorify the «moral law», in fact natural law, as the only existing law.

Key words: Decalogue, justice, law, laws of the Mountain Sermon, miracle, natural law, positive law, St. Nicholas of Serbia (1880–1856)

В ПОИСКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ САНКЦИИ ЗАКОНА

Среднестатистический россиянин не уважает закон. Проблема эта такая же давняя, как и пословица «закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Решать ее так или иначе придется. Современное общество может полноценно развиваться только при условии регулирования жизни в стране общепонятными нормами, которые пользуются общественным признанием и уважением — и благодаря этому поддерживаются не только силовыми структурами, но и весомым большинством населения страны.

В многочисленных проектах и программах патриотического воспитания обязательно присутствует пункт о воспитании граждан России в духе уважения к закону. Это можно было бы только приветствовать, если бы в таких программах присутствовало заодно и требование к законодателям: принимать только такие законы, какие, по своим внутренним достоинствам, внушали бы уважение. Увы, не похоже, чтобы наши законодатели чувствовали ответственность за качество своей законотворческой работы. Более вероятно, что они хотят, чтобы граждане России уважали власть за то только, что она власть, а закон — за то только, что он закон. В некоторых странах Запада правосознание, насколько можно судить, строится именно таким образом, напр. в Нидерландах или Шотландии. Но там оно опирается на давний кальвинистский менталитет и может существовать благодаря ответственному и квалифицированному отношению законодателей к своему делу. Для России же это мечтание абсолютно беспочвенное и несбыточное.

Все другие заинтересованные люди, в принципе, понимают: чтобы закон можно было уважать, он должен обладать внутренними достоинствами. Полная ясность и недвусмысленность юридического текста — требование невыполнимое, однако законодатель обязан добиваться хотя бы такой степени ясности в формулировках закона, какая уже была достигнута ранее.

Должен ли закон быть справедливым? — К справедливости многие законы не имеют прямого отношения: напр., экологические требования к автомобилям представляют собой компромисс между корпоративными интересами авто-

мобилистов и заинтересованностью всех граждан в чистоте воздуха, которым они дышат; введение или отмена летнего времени, включение той или иной местности в тот или иной часовой пояс — вопрос удобства. Но важно, чтобы эти законы не противоречили представлениям о справедливости. В связи с этим требованием, однако, проявляется новая проблема. Требование справедливости популярно в России настолько, что слово это можно было бы считать той национальной идеей, которую так давно и старательно ищут. Но справедливость на роль национальной идеи не годится, потому что среди основного населения России трудно найти трех человек, которые одинаково понимали бы, что справедливо, а что нет. Вернее, в цыганском таборе или дагестанском ауле найти таких можно, но для России в целом их представления о справедливости ни характерны, ни авторитетны не будут.

Наиболее законопослушны, по-видимому, те страны, где закон поддерживается распространенной религией и существует в гармонии с нею. Именно это обстоятельство является причиной притягательности ислама не только для его традиционных приверженцев в России, но и для неопитов, что прекрасно показано в фильме Владимира Хотиненко «Мусульманин» (1995). Традиционный ислам требует от своих приверженцев немногого, зато это немногого требует категорически. Тем самым в мусульманской среде создается обстановка этической определенности, по которой многие в России по-настоящему истосковались.

А христианство? Что для воспитания законопослушания делает и может сделать оно? Естественно, в первую очередь вопрос этот должен быть адресован наиболее распространенной в России разновидности христианства — православию, представленному РПЦ МП.

Автор этих строк — лютеранин, принадлежащий к Церкви Ингрии и постоянно контактирующий с православными. Беседуя с обычными православными прихожанами, я часто слышу от них сетования, что люди русские забыли или не соблюдают «Христов закон» или «закон Христа». На вопрос, в чем этот закон состоит, все мои православные

собеседники отвечали практически одинаково: не убивать, не воровать, не врать, не пьянствовать, не блудить. Вопрос, где этот закон записан, оставался без ответа. Мои собеседники уверены, что это общеизвестные требования. Отыскивать их в Библии незачем, но при необходимости батюшка отыщет.

Православные, имеющие богословское образование, обычно помнят, что основу православного Закона Божьего составляют 10 заповедей Моисеевых, или Декалог. Они таковы¹: 1) Не поклоняйся никому, кроме Единого Бога; 2) не сотвори себе кумира; 3) не произноси имя Бога всуе; 4) соблюдай день субботний; 5) почитай отца и мать; 6) не убивай; 7) не прелюбодействуй; 8) не укради; 9) не лжесвидетельствуй; 10) не завидуй, т. е. не желай ничего чужого (Исх. 20:2–17; Втор. 5:6–21). Эти заповеди Моисеевы обычно считаются основным законом для земной жизни как всех христиан, так и иудеев. В каком смысле это «закон Христов»? — Дал этот закон Моисею и другим людям никак не Христос, а Яхве, Которого христиане называют Богом Отцом. Но правда, что Христос обещал и требовал выполнить именно этот закон «до последней черты» (Мф. 5:17–18). Заповедь, требующую чтить день субботний, христиане в большинстве своем трактуют иначе, чем иудеи. Иудеи, в соответствии с буквой Ветхого Завета, видят в ней запрет на какую бы то ни было трудовую деятельность в этот день. Однако Христос сказал: «Итак можно в субботы делать добро» (Мф. 12:12), поэтому христиане в большинстве своем толкуют ее просто как предписание в один из дней недели ходить в церковь и участвовать в литургии: это и значит, на их взгляд, «посвятить день Господу».

¹ Такого перечня заповедей придерживаются православные и кальвинисты. У католиков и лютеран принят т. н. «Августинов счет» заповедей (приписываемый Блаженному Августину): 1) Не поклоняйся никому, кроме Единого Бога; 2) не произноси имя Бога всуе; 3) соблюдай день субботний; 4) почитай отца и мать; 5) не убивай; 6) не прелюбодействуй; 7) не укради; 8) не лжесвидетельствуй; 9) не пожелай чужого дома; 10) не пожелай ничего чужого (жены, рабов, скота).

Как видим, различие состоит в том, что, по мнению большинства западных христиан, запрет на сотворение кумиров — не отдельная заповедь, но подразумевается Первой заповедью; а «квартирный вопрос» до такой степени склонен портить людей, что заслуживает выделения в отдельную заповедь.

Но образованным православным известны и другие заповеди. Обычно их называют Заповеди блаженства. Они, в отличие от Декалога, даны именно Христом: в Нагорной проповеди. В православной традиции принято выделять девять Заповедей блаженства. 1) Будь смиренным, или смиренномудрым («нищим духом»). 2) Скорби о своих грехах, но утешайся надеждой на Божью милость («Блаженны плачущие, ибо они утешатся»). 3) Будь кротким. 4) Ищи правды. 5) Будь милостивым / милосердным. 6) Будь чистым сердцем. 7) Будь миротворцем. 8) Если ты изгнан за праведную жизнь, радуйся («Блаженны изгнанные за правду»). 9) Если ты подвергнешься гонениям за верность Христу, радуйся («Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня»). (Мф. 5–7, Лк. 6:20–23)². — При желании из Нагорной проповеди можно извлечь еще некоторые заповеди, столь же максималистские. Не смотри ни на кого с вожделием; не клянись вовсе (а всегда говори только правду); не противься злumu; люби своих врагов; будь совершенен; совершай дела милосердия, но обязательно скрытно; не собирай материальных сокровищ; не заботься о завтрашнем дне, а только о сегодняшнем; никого не суди. Для этих дополнительных заповедей я не нашел в литературе отдельного общепринятого названия. Наверное, оно и не нужно. Я буду называть Заповеди блаженства плюс эти дополнительные перечисленные — все вместе — «заповедями Нагорной проповеди».

Таким образом, в православном Законе сосуществуют два «пакета» заповедей: Заповеди Моисеевы и Заповеди Нагорной проповеди. Сам Христос попарно противопоставлял некоторые заповеди из разных «пакетов», напр. «не прелюбодействуй» и «не вожделей», «не лжесвидетельствуй» и «не клянись вовсе» — через формулировку «а Я говорю вам» (Мф. 5:28 и др.) Из этого очевидно, что у Заповедей Моисеевых и у Заповедей Нагорной проповеди каким-то образом различаются сферы применения. Заповеди Моисеевы христиане довольно единодушно считают минимальными этическими нормами,

² Закон Божий для семьи и школы / Сост. прот. Серафим Слободской. Jordanville, 1987. С. 585–595.

соблюдение которых есть необходимое условие существования всякого человеческого общества. Относительно же предназначения Заповедей Нагорной проповеди нет ни единодушия, ни ясности. Очевидно лишь, что эти Заповеди требуют гораздо большего, чем Заповеди Моисеевы, и что в полноте своей, в условиях жизни на грешной земле, они невыполнимы. Напр., буквальное и последовательное выполнение требования всегда говорить только правду предполагает отказ от охраняемых законом тайн: государственной, коммерческой, усыновления; требования никого не судить — от юриспруденции; требование не противиться злу силою — от функционирования силовых структур, без которых не может существовать никакое государство.

Таким образом, некоторые этические нормы, содержащиеся в Библии, — нормы, на которые мы надеялись как на средство укрепления государственности, — могут подрывать государство и даже оказаться несовместимыми с государством как таковым. Это обстоятельство делает уместным присмотреться к самому понятию «закон» и к разнообразию его значений.

РАЗНООБРАЗИЕ СМЫСЛОВ ПОНЯТИЯ «ЗАКОН»

Мы вправе предположить существование закона во всех таких ситуациях, в каких наблюдаем повторяемость каких-либо явлений и можем сформулировать для этой повторяемости правило, которое в идеале позволяет предсказывать их в будущем. Напр., астрономы довольно давно научились не только заранее вычислять время восхода и захода Солнца для любого дня в любой местности, но и предсказывать солнечные и лунные затмения во многих деталях: в какой точке земной поверхности и в какое время они будут видны в полной фазе, а в какой можно будет наблюдать лишь частичные.

Повторяемость эта может быть результатом сознательной регламентации. Напр., в Великобритании и Японии автотранспорт всегда следует по левой стороне трассы, в большинстве же стран — по правой стороне. Но повторяемость может иметь место и в ситуациях, когда никакого субъекта, который мог бы предположительно регламентировать повторяемость в явлении, нет или

не видно. Напр., закон Архимеда действует во всех случаях, когда тело погружено в жидкость, хотя Архимеда давно нет в живых и ни Архимед, ни кто-либо другой не «вводил» этот закон: закон действовал всегда, Архимед же его «только» открыл.

Отсутствие или наличие человека-законодателя — это принцип первого, базового разделения смыслов понятия «закон»³.

Законы, не создаваемые, а лишь открываемые людьми — это прежде всего законы природы, открываемые и формулируемые естествоиспытателями: напр., законы Паскаля и Ньютона, изучаемые в школьном курсе физики; периодическая система Д. И. Менделеева, где показана связь между такими разными свойствами химических элементов, как атомный вес и валентность; гомологические ряды А. М. Бутлерова, упорядочивающие свойства органических веществ⁴.

Законы математики и логики обычно ставят с законами природы в один ряд. На мой взгляд, однако, есть важная разница между законами природы — и такими законами, как логические силлогизмы, таблицы сложения и умножения или правило, что

³ «Обычно термин “закон” употребляется в двух смыслах: закон как необходимая связь явлений (“закон природы”, “закон мышления” и т. п.), и закон как обязательное для людей общественное установление (“государственный закон”, “уголовный закон” и т. п.), что отражает специфику этого понятия, состоящую в организующей и направляющей функции закона». Кузьмин Н., Кребер К. Закон // Философская Энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 149. — В этом авторитетном издании закону дается следующее всеохватывающее определение: «Необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества». Как видим, определение это предполагает, что у всех «явлений», т. е. всего наблюдаемого, обязательно есть какая-то «природа»; что все эти «явления» суть составная часть всеобщего эволюционного процесса; и что тенденция, замечаемая в этом процессе и заслуживающая, чтобы ее поименовали законом, обязательно должна быть «необходимой» (а не случайной). — Следовательно, в определение это заложены представления, которые мы вовсе не обязаны разделять, и оно, кроме того, грешит рационализмом. «Второе южнославянское влияние» — закон развития русского литературного языка конца XIV и XV вв., но увидеть во влиянии этом нечто «необходимое, внутренне присущее природе» русского языка — затруднительно.

⁴ Азимов А. Краткая история химии. Развитие идей и представлений в химии. М., 1983. С. 99–100.

«от перестановки слагаемых сумма не меняется». Если совершать авиаперелеты по всей планете, то и в мусульманских, и в буддистских, и в христианских странах расчеты при покупке авиабилетов будут осуществляться по совершенно одинаковым математическим правилам. Правила эти будут соблюдаться финансистами всех авиакомпаний, хотя никакое мировое правительство таких правил не вводило и за их соблюдением не следит. Осуществляются такие законы только в процессе и через процесс умственной деятельности людей. Такие законы удивительно тонко и ненавязчиво «форматируют» происходящее в материальном мире, и при этом не похоже, чтобы они как-либо от материального мира зависели: пять каких-либо предметов или идей, если их сосчитать три раза, образуют пятнадцать предметов или идей, какими бы ни были эти предметы или идеи. Равным образом не зависят такие законы ни от воли, ни — что особенно удивительно — от сознания людей: авиакомпании могут договориться между собой, в какой валюте осуществлять, а в каких не осуществлять расчеты между собой; но никакая договоренность не может ввести в действие принципиально иную таблицу умножения, где, напр., 7×8 равнялось бы 60. Любое несоблюдение таких законов рассматривается только как ошибка, подлежащая исправлению, иначе невозможно продолжать расчеты. Нам нетрудно вообразить такой материальный мир, в котором действовали бы несколько иные законы природы: напр., люди обладали бы достаточной мускульной силой для полета на маховых крыльях, как Икар. Но вообразить мир с иной таблицей умножения мы не в состоянии. Иная таблица умножения — это просто-напросто ошибка, неверное суждение; а из неверного суждения, как известно, логически вытекает все что угодно, и потому, с позволения сказать, образ такого альтернативного мира лишен всякой определенности. Оговорюсь: такой жесткостью обладают далеко не все законы математики. Законы геометрии, в отличие от таблицы умножения, связаны со свойствами трехмерного пространства, т. е. материального мира; и их можно вообразить иными, что и сделал Н. И. Лобачевский. Христианин вправе предположить, что законы природы

установлены или созданы Богом. Но правомерно ли предполагать то же об элементарных законах логики и математики? Они обладают всеми признаками всемогущества: беспрепятственно действуют как в материальном, так и в воображаемом мире и не нарушаются даже в библейских чудесах. (Например, логический закон противоречия был бы нарушен, если бы Бог одновременно существовал и не существовал в одном и том же смысле и в одном и том же отношении. Такие же чудеса, как превращение воды в вино в Кане Галилейской, хождение Христа по водам, освобождение апостолов из узилища представляют собой нарушения законов природы). Позволю себе высказать предположение: Изучение логики и математики — это постижение не законов тварного мира, сотворенных Творцом, но скорее самого Творца, точнее — тех Его рациональных атрибутов, которые суть общие как для Ratio (человеческого разума), так и для *Λόγος*'а, и доступны пониманию людей, просто как обладателей разума, даже и без сверхъестественного откровения.

Законы, формулируемые, предлагаемые и вводимые людьми и исполняемые *людьми*, не менее разнообразны. К таковым относятся, прежде всего, конечно, бесчисленные *законодательные акты* ныне существующих и ранее существовавших государств.

К этому же разряду относятся нормы *Заповедей Моисеевых* и *Заповедей Нагорной проповеди*. Правда, христиане верят, что эти нормы являются *божественными*, т. е. даны людям в откровении от Бога. Однако вполне определенные формулировки этих заповедей получены от вполне определенных людей: Моисея и Христа, пусть их авторство и не защищено копирайтом. Заповеди адресованы людям, которые призваны уяснить их смысл и исполнять их. В этом они сходны с законами, которые провозглашает государство, требуя их исполнения. Этим они принципиально отличаются от законов физики или биологии. И к таковым же относятся разнообразные *этические нормы*, сформулированные Конфуцием, Аристотелем, Ларошфуко, Кантом и мыслителями меньшего масштаба. Частным случаем таких норм можно считать нормы *профессиональной этики*.

Для медиков их сформулировал, как известно, Гиппократ. Для бизнесменов («кодексы честной конкуренции»), учителей, журналистов — менее известные люди.

Среди законов, действующих в государствах, немало законов технически неудачных, нелепых, устаревших, противоречащих общепринятым представлениям о справедливости: достаточно вспомнить антисемитское Нюрнбергское законодательство Третьего Рейха. Кроме того, во всяком законе, действующем в государстве, есть компонент, не соответствующий и не противоречащий справедливости, а просто не имеющий к ней никакого отношения: напр., устанавливающий, как должен выглядеть документ, удостоверяющий личность гражданина: положенное для такого документа количество страниц ни «справедливым», ни «несправедливым» не будет. Такой компонент закона немецкие правоведы в XIX в. назвали «позитивным» (или «положительным»), в отличие от базового — «естественного».

То обстоятельство, что одни и те же базовые нормы, призванные регулировать жизнь людей, христиане считают *и* богооткровенными (то есть *сверхъестественными*), *и естественными*, создает немалые затруднения для упорядочивающей классификации норм христианского Закона. Однако это базовое, но на поверку лишь кажущееся противоречие снимается апостолом Павлом. В известнейшем тексте — Рим. 2:14–15 — апостол утверждает, что в тех ситуациях, когда язычники поступают в полном соответствии с 10 заповедями, они таким образом делают то, что *законно по природе своей*. Вот это место в Синодальном переводе: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах...». В переводе Кассиана Безобразова: «Ибо, когда язычники, не имеющие Закона, делают по природе то, что предписывает Закон, они, не имея закона, сами себе закон: они показывают, что дело Закона написано в сердцах их...». — Таким образом, противоречия между *содержанием* богооткровенного Закона и естественного Закона нет. Разница лишь в *способе*, каким разные люди становятся приверженцами этого Закона: иудеи

и христиане — внимая откровению, прочие — каким-то иным, загадочным путем, в котором сверхъестественное может наличествовать, но так явно, как призыв Моисея на Синайскую гору, не проявляется.

Гораздо более серьезная проблема связана с тем, что понятия «естественный закон», «естественное право» и «естественное откровение» были в XVIII–XIX вв. серьезнейшим образом скомпрометированы в глазах христиан такими мыслителями, как Жан-Жак Руссо и Иммануил Кант, которые вкладывали в них отнюдь не библейский смысл, а собственные рационалистические постулаты («человек по своей природе добр», «человек должен быть целью, но не средством» и т. п.). Эта подмена в XX в. спровоцировала реакцию со стороны Карла Барта, который, как известно, начисто отрицал существование естественного закона, признавая лишь закон, полученный в откровении⁵.

На мой взгляд, от «естественно-правового» наследия просветителей нам следует решительно и категорически отказаться, а понятие «естественное право» использовать в строго библейском смысле, обозначая им содержание 10 заповедей Моисеевых, даже если усвоено оно не через сверхъестественное откровение, а каким-то другим способом. Естественное право, понимаемое в таком смысле, должно рассматриваться как исходный стандарт справедливости, который следует прилагать ко всем принимаемым в государстве законам⁶.

⁵ По мнению Барта, цитированные слова Апостола — это «очень возмутительный, странный, непонятный вывод», который Барт пытается примирить со своей приверженностью Писанию и своими взглядами на протяжении пяти страниц (Барт К. Послание к Римлянам. М., 2005. С. 38–42).

⁶ К этому призывал выдающийся правовед Владимир Матвеевич Гессен (1868–1920) еще в 1902 г. На его взгляд, в правовом государстве «положительное право является единственной объективной основой правопорядка». Естественное право «не должно служить идеальной заплатой на дырявом материальном плаще положительного права». Однако в правовом государстве противоречие позитивного и естественного права «разрешается требованием изменения, реформы положительного права, требованием позитивации естественно-правовой нормы» — требованием, обращенным к законодателю. «Всякая критика положительного права не с точки зрения “пользы”, “удобства”, “выгоды”, а с точки зрения идеальных требований правосознания есть критика естественно-правового характера». Гессен В. М. Возрождение естественного права. СПб., 1902. С. 11–13.

Таким образом, закон государства заслуживает религиозного почитания и искреннего уважения со стороны христианина в той и только в той мере, в какой он соответствует естественному закону и способствует его соблюдению. Напр., закон требует от всякого, кто пользуется электричкой, оплатить проезд и иметь при себе проездной билет. К оплате следует относиться как к христианскому долгу: не оплатить — значит нарушить заповедь «не укради». Но если христианин, купив сезонный билет, забыл его дома, но оказался в электричке, он морально вправе со спокойной совестью сбежать от контролеров. Ведь требование иметь при себе проездной билет — это чисто позитивный компонент права, а никакая не святыня.

Православная литература, посвященная этому вопросу, невелика, а сама проблематика не пользуется ни популярностью, ни признанием. В 1897 г. Иван Васильевич Попов (1867–1938) — патролог, психолог, преподаватель Московской Духовной Академии — опубликовал обширный (632 стр.!) труд «Естественный нравственный закон»⁷. В советское время И. В. Попов неоднократно подвергался аресту, был в ссылке, а 8 февраля 1938 г. по постановлению «тройки» расстрелян в г. Енисейске. Он был канонизирован Священным Синодом РПЦ 30 июля 2003 г. В том же году Московская Духовная Академия решила переиздать его труды. Вышло только два тома его патрологических исследований (2004–2005), о переиздании же работы 1897 г. речи не было и нет, хотя экземпляр этой книги в Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге затрепан многочисленными читателями, весь испещрен пометами и выдается только под билет. В наиболее авторитетном современном труде по православной этике протоиерея Владислава Свешникова «Очерки христианской этики» естественный закон не упоминается вообще: речь в нем идет только о Законе, данном Богом в откровении, и о «евангельском законе»: Заповеди Нагорной проповеди рассматриваются как его составная часть⁸.

⁷ Попов И. В. Естественный нравственный закон. Сергиев Посад, 1897.

⁸ Свешников В., прот. Очерки христианской этики: Учебное пособие. М., 2001.

Тем больший интерес вызвала у меня книга знаменитого православного мыслителя — святителя Николая Сербского (в миру Никола Велимирович, 1880–1956), переведенная на русский язык, распространенная немалым тиражом и посвященная специально Закону в духовной жизни христианина: Святитель Николай Сербский. Слово о Законе. Номология (тираж 10 000 экземпляров)⁹. Должен признаться: я работал только с переводом на русский язык, не имея возможности обратиться к сербскому оригиналу. Поэтому есть вероятность, что некоторые мои критические замечания к имеющемуся русскому переводному тексту не применимы к тому, что на самом деле утверждал святитель Николай.

ОБЗОР КНИГИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ СЕРБСКОГО

«Обо всех важных предметах, о которых повседневно говорят по всему миру на всех языках, говорится и в Библии, за одним исключением — в ней не говорится о законе природы. В Библии даже не упоминаются такие слова — “закон природы”.

И ни о чем ученые мужи человечества в наше время не рассуждают так много, как о законе природы, или о законах природы, естественных законах. Но именно об этом в Библии нет ни слова»¹⁰.

В очень коротком отрывке уже содержится повтор, но такого уж манера автора.

Прав ли он? — Не только в наше, но уже и в его время ежедневно на всех языках обсуждались курсы мировых валют, которые в Библии не фигурировали никак. А выражение «закон природы» едва ли было частотным в речи и в научных текстах исследователей открытых и закрытых лабораторий. Ведь оно представляет собой *обобщение* разнообразных законов, открытых естествоиспытателями ранее и открывавшихся накануне II Мировой войны: таких как законы Ньютона, Паскаля, Кулона, Линнея, периодическая система Менделеева,

⁹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. Номология / Пер. с сербского Н. Г. Феофановой. М., 2005. 124 с. (Выходные данные оригинала: Николај, епископ Жички. Наука о Закону (Номологија). Београд, 2002. Первое издание — Крагуевац, 1940).

¹⁰ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 5.

гомологических рядов Бутлерова; а также закономерностей распространения радиоактивности, которые изучали супруги Кюри, и деления атомного ядра, бывшие предметом занятий Нильса Бора. Обобщение «закон природы» можно встретить скорее у философов, чем у естествоиспытателей.

Если же мы не будем придирааться к словам, а сосредоточим внимание на том, что за ними стоит, то, наверное, законами, которые чаще всего были предметом внимания людей тогда и теперь, следует назвать таблицы умножения и сложения. Едва ли современный человек может и день прожить, не пользуясь ими. Но в Библии таблицы умножения нет как нет, хотя таблица сложения фрагментарно представлена (Быт. 18:24–32).

Утверждать же, будто в Библии нет ни слова о естественных законах, можно лишь сознательно игнорируя Рим. 2:14–15. Хотя, возможно, это проблема перевода.

Святитель Николай возмущается неким христианским проповедником, который даже в проповедях во храме говорит «о законе природы как о параллельном с нравственным законом, а народ слушает его и не понимает, как могут существовать два закона, так часто противоречащих друг другу, при одном Законодателе»¹¹.

Мы можем только помечтать о том, чтобы святитель Николай привел нам хотя бы один пример противоречия «закона природы» нравственным законам. Тогда было бы, по крайней мере, понятно, о чем речь. Среди «законов природы» есть, например, химический закон, согласно которому металлы, оказавшись в контакте с кислотами, вступают с ними в реакции, образуя соли. И что же, закон этот противоречит заповеди «чти отца твоего и мать твою»? Или какой-нибудь другой заповеди? Остается только руками развести.

Могут ли быть два противоречащих друг другу закона при одном Законодателе? — Да, могут. Например, впервые отправляя 12 апостолов на служение, Христос велел им: «Ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, не серебра, и не имейте по две одежды» (Лк. 9:3, параллели — Мф. 10:9–10, Мк. 6:8) В другой же раз «Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми

¹¹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 6.

его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк. 22:36, параллелей нет). Разница налицо, ее подчеркивает и Сам Христос.

Но самое головокружительное заявление святителя Николая выглядит так: «Никаких законов природы даже и не существует»¹².

Если вы, читатель, пользуетесь в данный момент электричеством и прочно сидите на своем месте, то утверждение, что нет ни закона Ома, ни закона всемирного тяготения, вызовет у вас как минимум оторопь.

Обосновывая это утверждение, святитель Николай призывает признать «очевидный факт»: «Тот, Кто устанавливает законы, и тот, кто их принимает к исполнению, должны быть мыслящими сущностями. Не может бессознательный предписывать законы сознательному, как и сознательный не может устанавливать законы для бессознательного. Ибо закон по сути своей — творение мыслящего разума. Закон предполагает, что с обеих сторон его присутствует сознательный разум: со стороны дающего закон и со стороны принимающего закон. Если на какой-то из сторон нет мыслящего разума, то закон — не закон, а нечто совершенно другое, и должен называться по-другому»¹³.

С этим вполне согласуется и высказанное в другом месте утверждение святителя Николая: если закону сопротивляются, то закон не исполняется¹⁴.

Получается, что святитель Николай, говоря о Законе, понимает под ним не *все* то, что все привыкли называть «законом», а *только* законы, формулируемые, предлагаемые и вводимые людьми и исполняемые людьми! Разумеется, он имеет на это право. Но коль скоро он задает для слова «закон» такое зауженное значение, его утверждения будут правомерны, разумеется, только применительно к нему же, а вовсе не к «закону» в общепонятном смысле.

Я в начале данной статьи рассматривал разные значения слова «Закон». По мнению святителя Николая, все гораз-

¹² Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 9.

¹³ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 11.

¹⁴ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 53.

до проще: «В Библии говорится только об одном Законодателе и единственном законе — это Бог и Его нравственный закон. Никаких других законодателей, кроме Бога, Библия не знает и ни о каких других законах, кроме нравственного, не говорит»¹⁵.

Правда, святитель Николай не считает человеческое представление о существовании законов природы простой нелепостью. Он предлагает объяснение, почему оно сложилось и распространилось. Во всем виновато грехопадение, из-за которого природа в сознании человека превратилась в идола¹⁶.

Под единым нравственным законом святитель Николай подразумевает не мифический «закон Христов» и даже не Заповеди Нагорной проповеди, а 10 заповедей Моисеевых, которые он вдохновенно хвалит и воспекает почти как поэт¹⁷. Правда, далее он называет Закон, существование которого признает, законом царским, законом Христовым, законом любви — что по смыслу как будто предполагают Заповеди Нагорной проповеди¹⁸.

Об авторах писанных законов, действующих в государствах, святитель Николай утверждает: «Создавая законы, люди как законодатели (лишь называемые так) или озвучивают закон, данный Богом, или перефразируют его, разделяют и мельчат, чтобы применить к разным случаям жизни»¹⁹.

Тут святитель Николай прав. Заповедь «не укради» защищает собственность каждого из людей от похищения. Однако для исполнения этой заповеди необходимо, чтобы у граждан государства были ясные представления о собственности, а для этого нужно юридическое учение о ней. Похищение бывает тайное (кража) и открытое (грабеж), и понятно, что кара за грабеж должна быть серьезнее, чем за кражу. Конкретизация заповедей Моисеевых — важная работа юристов.

Прав он и когда далее делает оговорку, касающуюся неправовых законов: «Разумеется, где свобода, там и злоупотребле-

¹⁵ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 14.

¹⁶ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 24.

¹⁷ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 33–35, 61–62.

¹⁸ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 87.

¹⁹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 15.

ние. Люди зачастую злоупотребляли как законом Божиим, так и своей законодательной властью и навязывали обществу свои законы, выгодные лишь им самим, оскорбляя тем самым Бога и унижая ближних своих. Подобные злоупотребления в законотворчестве допускали как отдельные правители, так и завоеватели, и группы олигархов, и партии. Злоупотреблений законом и законотворчеством Бог не благословлял, однако попускал их ради сохранения свободы людской и выявления человеческой злобы»²⁰.

Святитель Николай хорошо понимал различие между позитивным правом, с одной стороны, и тем законом, который мы до сих пор называли естественным, а он называет нравственным, с другой. Это видно из серии его высказываний о юридических и нравственных нормах, которых придерживались нехристианские народы.

О Ликурге и о других законодателях он пишет: «Они создавали законы по своему разумению и согласно нуждам их народов»²¹.

Святитель Николай ценит нормы, согласные с 10 заповедями, у Ману, Конфуция и Платона. Особенно ценит он мысль Конфуция, что состояние природы зависит от нравственности людей²². Изучив Коран, святитель Николай нашел, что многое в нем согласно с нравственным законом Бога²³. С его точки зрения, мусульмане молодцы, что не верят в существование каких бы то ни было законов природы²⁴. Рассматривая китайское традиционное мировоззрение, святитель Николай констатирует, что китайцы склонны объяснять все физические явления действиями духов. Это язычество, и это с точки зрения святителя Николая, конечно, плохо. Но все-таки то хорошо, что китайцы не пытаются ничего объяснить действием законов природы²⁵. Учение о карме как таковое святитель Николай, понятное дело, отвергает, но нравственное его

²⁰ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 15.

²¹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 36.

²² Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 37.

²³ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 73–75.

²⁴ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 79.

²⁵ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 80.

содержание — то, которое В. С. Высоцкий представил в «Песне о переселении душ» — ценит чрезвычайно высоко²⁶.

Нравственный закон в традиционном праве балканских народов в изображении святителя Николая во многом согласен с нравственным законом Бога; разумеется, о родных сербах он говорит в этой связи теплее и подробнее, чем о прочих²⁷. Тут, казалось бы, очевидно, что со временем какие-то новые нормы могут возникать — и возникают — и помимо откровения. Но святитель Николай не допускает мысли об этом. Все от Бога, только *от* Бога, даже если *через* природу!

Опираясь исключительно на библейские тексты, святитель Николай объясняет поражения армий и беды государств тем, что один воин что-то украл, — как если бы в армиях победителей не было ни одного вора²⁸. Библейский назидательный рассказ, в котором автор усматривает связь единичного случая с общим поражением, святитель Николай принимает или выдает за *всю* реальность.

Святитель Николай обещает рассмотреть также «исторические законы», т. е., надо понимать, законы исторического развития, и «социальные законы» — законы, какие возможно усмотреть в существовании и развитии социума²⁹. Но до рассмотрения гипотез Конта, Маркса, Спенсера или Дюркгейма дело не доходит. Святитель Николай ограничивается рассмотрением только причин гибели древних цивилизаций: Древнего Египта, Вавилона, Тира. Разумеется, все они погибли из-за небрежения нравственным законом, который был дан Богом³⁰. И разумеется, о гибели Византии такой вопрос не ставится. Об этом прискорбном событии даже и упоминания нет.

Во взаимоотношениях труда и капитала святитель Николай тоже не находит никаких «общественных» законов³¹. Если и предприниматель, и его рабочие будут соблюдать нравственный закон, все будет хорошо, а если не будут, все будет плохо.

²⁶ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 75.

²⁷ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 70–73, 76–79.

²⁸ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 40–41.

²⁹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 53.

³⁰ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 56–57.

³¹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 66.

Проблемы, возникающие у предпринимателя из-за конкуренции, необходимости обновления производственных мощностей (зачастую дорогостоящего), конфликты бизнесменов и наемных рабочих с государственной бюрократией для святителя Николая не существуют и не заслуживают рассмотрения.

Политика, разумеется, тоже такая сфера, где никакие законы не действуют — святитель Николай с такой уверенностью ставит политическое в длиннейший ряд своих однообразных отрицаний, что читатель не сразу и замечает, что тем самым он нарушает ранее провозглашенный принцип³². Ведь в сфере политического существуют и действуют субъекты, обладающие *сознанием*: как индивиды — отдельные граждане, — так и коллективы: социальные группы, партии, законодательные собрания, правительства. Каждый из этих субъектов способен сознательно воспринимать то, чего от него требует давно действующий или только теперь вводимый в государстве закон, и обычно также способен выработать определенное отношение к этому закону: подчиниться ему охотно, подчиниться неохотно, саботировать этот закон скрытно или явно, а может быть, и повести против данного закона открытую борьбу. На первый взгляд, тут та же ситуация, что и в отношении индивида к норме нравственного закона: имея возможность украсть плохо охраняемую или никак не охраняемую мемориальную доску из цветного металла, индивид принимает одно из двух решений — либо украсть, либо не красть, — соответственно поступает и несет за свой поступок ответственность перед Богом, а если попадетя полиции, то и перед уголовным законом. Однако заметим, что если политический субъект примет решение сопротивляться закону, то возникнет противоборство, исход которого может быть разным. Людовик XIV в 1685 г., отменив Нантский эдикт, ввел репрессивные законы против гугенотов, и сопротивляться им гугеноты не смогли: они вынуждены были, в большинстве своем, эмигрировать из Франции или вернуться в Римско-Католическую церковь. Но американские колонии Великобритании сопротивлялись актам Тауншенда

³² Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 68.

1767 г. и добились их отмены в 1770 г. Следовательно, сфера политического — это случай средний между двумя крайностями: когда закон действует на предмет или индивида принудительно, на манер закона всемирного тяготения, — все равно, знает индивид о существовании закона или нет, — и когда индивид единолично решает, подчиниться закону или не подчиняться. Другой пример такого же «серединного» случая — это отношение индивида к языковой норме. Чехов ненавидел слово «чемпион» и не употреблял его в своих авторских текстах. Но он не мог добиться, чтобы слово это в России начала XX в. вышло из употребления.

Примерно с такой же категорической нетерпимостью относится святитель Николай к самому понятию «закон природы». Отказ от этого понятия равнозначен для него тому, чтобы «освободиться от мрака современной европейской школы», — на его взгляд, это желанное и «великое дело»³³. Заметно, что он старается в своем тексте вообще не называть общепризнанными именами законы Ньютона, Гука, Бойля-Мариотта, Менделеева и других, к которым его читатель, надо полагать, привык относиться с уважением и потому мог бы возмутиться. Святитель Николай, как мы помним, считал, что такие законы должны называться не законами, а как-то по-другому.

Какое же другое название предлагает святитель Николай для законов Ньютона, Менделеева и прочих, за которыми он не признает права именоваться законом? Он отвечает на это так: «Подобно тому, как единственным истинно существующим миром является мир духовный, а мир физический, материальный, есть символ духовного мира, так и единственным законом является закон нравственный, а то, что называют физическими, или естественными, законами — лишь символы этого одного-единственного закона»³⁴.

То есть таблицу Менделеева или закон Авогадро святитель Николай предлагает считать лишь «символом» нравственного закона. Очевидно, в духе классического определения, которое

³³ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 50.

³⁴ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 19.

дал Михаил Леонтьевич Магницкий (1778–1844): «Гипотенуза в прямоугольном треугольнике есть символ сретения правды и мира, правосудия и любви, через ходатая Бога и человеков, соединившего горнее с дольным, небесное с земным».

Выстраивая свою критику «законов природы» как цепь притч, святитель Николай вставляет в эту цепь следующее, с позволения сказать, описание естествоиспытательской лаборатории: «Однажды утром наши путники зашли по дороге в некую научную лабораторию. Там были ученые-профессора с учениками. На столах теснились микроскопы, весы, реторты и колбы с какими-то жидкостями, пробирки с кровью, магниты и магнитные стрелки, какие-то электрические устройства. На подоконниках лежали выставленные на солнце фотопластинки. В стеклянных сосудах плавали разрезанные лягушки и крысы. На крыше возвышался огромный телескоп»³⁵.

Такое смешение всех естественных наук, в их зачаточном состоянии, было характерно для алхимии и для времен алхимии. В наше время специализация наук зашла настолько далеко, что соседство разрезанной лягушки с огромным телескопом может иметь место только в полемически воспаленной фантазии. У святителя Николая получилась автопародия. Ее стыдно читать и неприятно цитировать. Но, увы, она очень показательна для представлений святителя Николая о том, чем и как занимались в его время исследователи.

Раздел «Новейшая революция в науке» в работе святителя Николая забавно перекликается с почти одноименным разделом в ленинском «Материализме и эмпириокритицизме»³⁶. Святитель Николай одобрительно цитирует всех критиков рационализма в науке, т. е. тех, кто понимает, что очень многие представления в науке гипотетичны и подлежат проверке, пересмотру, уточнению. Среди авторов, которых он цитирует и на которых ссылается — Эйнштейн, Минковский, Гейзенберг, Бергаланфи, Макс Планк. Цитата из Гейзенберга: «Природа больше всего боится абсолютной точности». Комментарий святителя Николая: «Между тем прежняя наука, которая сегодня

³⁵ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 81.

³⁶ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 81–86.

отвергнута, утверждала именно это: в природе господствует абсолютная точность»³⁷.

Таким образом, святитель Николай принципиально отказывается различать рациональность и рационализм, все естественные науки изображает рационалистичными и, справедливо отвергая рационализм, заодно отвергает, в процессе изучения тварного мира, и всякую рациональность.

А как же окружающий нас мир следует изучать? Очень просто. Надо понять, что Вселенная — храм³⁸. Правда, святость Вселенной понятна только Богу и человеку, но никоим образом не ей (Вселенной) самой³⁹. В том, что происходит во Вселенной / Храме, налицо *порядок* и *очередность*⁴⁰. Порядок «сам собою» законом не является⁴¹. Открытые науками факты святитель Николай признает, теории и гипотезы — не признает⁴².

Тут святитель Николай приближается к опасной черте. Ведь категорический отказ от признания законов природы означает отказ от понятия чуда. Ведь что такое *чудо*? Нарушение законов природы. Если таких законов нет, то и нарушение их невозможно: нет того, что могло бы быть нарушено. Святитель Николай, разумеется, признавал превращение воды в вино в Кане Галилейской, исцеления, совершенные Христом, и воскресение Самого Христа. Но считал ли он все эти события *чудесными*? На страницах рассматриваемой книги нет ответа

³⁷ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 82.

³⁸ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 108–109.

³⁹ Как тут не вспомнить строки Н. С. Гумилева:

Колокольные звоны,
И зеленые клены,
И летучие мыши,
И Шекспир, и Овидий —
Для того, кто их слышит,
Для того, кто их видит.
Оттого все на свете
И грустит о поэте.

...

В этом воля земли святая,
Непонятная ей самой...

⁴⁰ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 111.

⁴¹ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 108.

⁴² Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 118.

на этот вопрос. Определить чудо как всего лишь нарушение *порядка*, — такого порядка, который не закон, — святитель Николай все же не решился.

В заключительной части книги святитель Николай оглядывается на написанное и осуществляет некоторую корректировку высказанных мыслей. Так, хотя ранее он настаивал, что существует единый закон, диктуемый единым Законодателем, теперь он все же признает разницу между законом ветхим и законом новым⁴³. В отличие от митрополита Илариона, который был уверен, что с пришествием Христа ветхозаветный закон утратил силу, святитель Николай считает, что ветхозаветный закон действует и в наше время, однако имеет значение не для всех. Законы ветхий и новый действуют для людей разных по поведению, характеру и степени совершенства — т. е. для плохо себя ведущих и несовершенных ветхозаветный закон остается в силе и продолжает действовать, тогда как для паинек и людей совершенных он не имеет значения: ведь у них не возникает никакого желания его нарушать⁴⁴. В остальном же святитель Николай описывает разницу между законами по привычному и общеизвестному православному стандарту. Новый закон состоит в том, что весь закон — в любви⁴⁵.

Дополняя представления о том законе, который мы называем естественным, он утверждает, что хранителем закона еще *до откровения* о Законе была совесть⁴⁶. — В ответ на это я бы заметил, что совесть — это прежде всего *судья*, который на уровне чувства, соотнося поступки человека с теми нормами, которые совесть считает обязательными для исполнения, оценивает его поведение, прежде всего в случаях отклонения от нормы. Но эти слова святителя Николая можно понять и в том смысле, будто совесть сама вырабатывает те *нормы*, на основании которых судит. Однако если она делает это до и помимо откровения, то это, конечно, нормы естественного закона.

Постулат святителя Николая, что христиане признают единый Закон, исходящий от единого Бога, не вызывал бы

⁴³ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 88.

⁴⁴ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 100.

⁴⁵ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 94.

⁴⁶ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 96.

вопросов, если бы источником сведений о таком Законе был Ветхий Завет. Но Библия как целое — это откровение о Троице Богом. И святитель Николай ближе к концу текста вспоминает о Троице и о том, что откровение от Нее и о Ней люди получали постепенно. Он даже излагает настоящую номофанию — учение о последовательности откровения Закона⁴⁷. Последний акт такого откровения — «Христос — наш закон⁴⁸!» Заметим: не Законодатель, не исполнитель Закона, а *Сам* Закон...

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА

Хотя святитель Николай тщательно избегает называть нравственный закон, известный нехристианам и соблюдаемый ими, естественным, на самом деле он полноценно признает существование именно *естественного закона* на протяжении всей своей книги. В этом самая сильная ее сторона, позитивно выделяющая его книгу на фоне характерной для православной литературы сосредоточенности на богооткровенном Законе и особенно на так называемом Евангельском законе. Однако убедительность его аргументации в сильнейшей степени подрывается той критикой рационально понимаемых законов природы, которой пронизана вся его книга, и упрямым стремлением отрицать наличие какой бы то ни было связи между нравственным законом и законами природы, действующими в «неодушевленной» части тварного мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Азимов А. Краткая история химии. Развитие идей и представлений в химии. — М.: Мир, 1983. — 187 с.

Барт К. Послание к Римлянам. — М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. — 580 с.

Гессен В. М. Возрождение естественного права. — СПб.: тип. СПб. о-ва Е. Евдокимов, 1902. — 43 с.

Закон Божий для семьи и школы / Сост. прот. Серафим Слободской. — Jordanville: Holy Trinity Monastery, 1987. — 723 с.

Кузьмин Н., Кребер К. Закон // Философская Энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 149–153.

⁴⁷ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 96–98.

⁴⁸ Николай Сербский, свт. Слово о Законе. С. 99.

Николай Сербский, свт. Слово о Законе. Номология / Пер. с сербского Н. Г. Феофановой. — М.: Издательство Братства святителя Алексия, Издательство Феофания, 2005. — 124 с.

Попов И. В. Естественный нравственный закон. — Сергиев Посад: 2 тип. А. И. Снегиревой, 1897. — 632 с.

Свешников В., прот. Очерки христианской этики. Учебное пособие. — М.: Паломник, 2001. — 624 с.

REFERENCES

Azimov A. (1983) *Kratkaya istoriya khimii. Razvitie idey i predstavleniy v khimii* [Brief history of chemistry. Development of ideas and notions in chemistry], Moscow: Mir, 187 p. (in Russian)

Bart K. (2005) *Poslanie k Rimlyanam* [The Epistle to the Romans], Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyu, 580 p. (in Russian)

Gessen V. M. (1902) *Vozrozhdenie estestvennogo prava* [Revival of the natural law], Saint-Petersburg: tip. Spb. o-va E. Evdokimov, 43 p. (in Russian)

Kuz'min N., Kreber K. (1962) Zakon [The law], *Filosofskaya Entsiklopediya*, Moscow, vol. 2, pp. 149–153. (in Russian)

Nikolay Serbskiy, svt., Feofanova N. (2005) *Slovo o Zakone. Nomologiya* [Teaching on the law. Nomology], Moscow: Izdatel'stvo Bratstva svyatitelya Aleksiya, Izdatel'stvo Feofaniya, 124 p. (in Russian)

Popov I. V. (1897) *Estestvennyy npravstvennyy zakon* [The natural moral law], Sergiev Posad: 2 tip. A. I. Snegirevoy, 632 p. (in Russian)

Serafim Slobodskoy, ed. (1987) *Zakon Bozhiy dlya sem'i i shkoly* [The God's law for family and school], Jordanville: Holy Trinity Monastery, 723 p. (in Russian)

Sveshnikov V., prot. (2001) *Ocherki khristianskoy etiki, Uchebnoe posobie* [Essays on Christian ethics, Study guide], Moscow: Palomnik, 624 p. (in Russian)